

Научная статья

УДК 821.161.1(045)

DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-18-28

**Сюжет *misericordia* и *clementia*
в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина**

Татьяна Вячеславовна Зверева

Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия

tzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Аннотация

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина рассмотрена в контексте идейных споров, связанных с важнейшими понятиями русской государственности – «справедливость», «правосудие» и «милость». Выявлено, что последний роман являлся частью полемики, развернувшейся вокруг выхода «Полного собрания законов Российской империи» М. Сперанского (1832–1833 гг.). В России обострение вопросов, связанных с правосудием, было обусловлено событиями 1825 г. и казнью декабристов. В романе можно увидеть развернутую авторскую рефлексию по вопросам христианской (*misericordia*) и государственной (*clementia*) милости. Анализ исторических документов показывает, что Пугачев в своих Манифестах следует христианской милости, в то время как для Екатерины Второй милость – часть политической стратегии. В «Капитанской дочке» эти два полюса то притягиваются друг к другу, то отталкиваются друг от друга, являя сложнейшую диалектику авторской мысли. Сделан вывод, что спасительным в художественном мире Пушкина оказывается нравственный инстинкт, восходящий к «категориальному императиву» И. Канта.

Ключевые слова

А. Пушкин, Пугачев, Екатерина II, И. Кант, исторический роман, семейная хроника, автор, сюжет

Для цитирования

Зверева Т. В. Сюжет *misericordia* и *clementia* в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Сюжетология и сюжетология. 2024. № 4. С. 18–28. DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-18-28

© Зверева Т. В., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2024. № 4. С. 18–28

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4, pp. 18–28

The Plot of *Misericordia* and *Clementia* in “The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin

Tatyana V. Zvereva

Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation

tvzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Abstract

“The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin is considered in the context of ideological disputes related to the most important concepts of the Russian state system, such as: “spravedlivost” (fairness), “pravosudiye” (justice), and “milost” (mercy). It was identified that the latter novel was a part of the controversy about the release of the “Complete Collection of the Laws of the Russian Empire” by M. Speransky (1832–1833). In Russia, the focus on justice issues intensified after the events of 1825 and the execution of the Decembrists. The novel demonstrates the author’s extensive reflection on the issues of Christian mercy (*misericordia*) and the mercy of the government (*clementia*). The analysis of historical documents showed that Pugachev in his Manifestos followed the principles of Christian mercy, while for Catherine the Second the mercy was a part of the political strategy. These two poles are sometimes attracted to each other, sometimes repelled from each other in “The Captain’s Daughter”, revealing the most complex dialectic of the author’s thought. It is concluded that the moral instinct coming from I. Kant’s “categorical imperative” proves to be saving in Pushkin’s artistic world.

Keywords

A. Pushkin, Pugachev, Catherine II, I. Kant, a historical novel, a family chronicle, an author, the plot

For citation

Zvereva T. V. The Plot of *Misericordia* and *Clementia* in “The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4, pp. 18–28. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-18-28

На сегодняшний день сюжету милости и правосудия в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина посвящено так много исследований, что правомерность очередного обращения к данной теме изначально ставится под вопрос. Казалось бы, исчерпывающие работы Ю. Лотмана [1962], О. Муравьевой [2012], В. Вацура [1986], А. Осповата [1988; 1998], В. Проскуриной [2020], О. Заславского [1996] и др. полностью очертили концептуальное поле пушкинского текста. И всё же тема милости и правосудия остается не до конца решенной, поскольку роман являет собой развернутую авторскую рефлексию над важнейшими вопросами, касающимися существования российской государственности. Осмысление триады «справедливость – правосудие – милость» определяло творчество главных писателей второй половины XVIII в. (А. Сумарокова, Г. Державина, А. Радищева, Н. Карамзина), что вполне закономерно, поскольку веку Просвещения был необходим незыблемый фундамент, на котором могла бы покоиться новая Россия [Кочеткова, 1996; Надеждин, 2008]. В пушкинском романе можно обнаружить скрытую полемику с авторами-классицистами, в том числе и по вопросу «милости». В основании

«Капитанской дочки» также лежал спор Пушкина с его вечным идейным оппонентом Ф. В. Булгариным, перу которого принадлежали такие произведения, как «Правосудие и заслуга», «Закон и совесть», «Милость и правосудие» [Осват, 1988; Сайдали, Рахманов, 2016]. В работах М. Неклюдовой [2000] и В. Мильчиной [2021] показан возможный «французский след» пушкинского текста, также напрямую связанный с данной проблематикой. Эти и другие исследования выявили сложнейшие идеологические контексты «Капитанской дочки». Цель настоящей статьи – рассмотрение последнего романа в его отношении к проблеме «милости» и «справедливости», понятой в историческом ключе. Речь, с одной стороны, пойдет о христианском аспекте милости (*miseriordia*), с другой – о милости как части государственной стратегии (*clementia*). В позднем пушкинском романе эти два полюса то сходятся, то расходятся, являя сложнейшую диалектику авторской мысли.

Итак, «милосердие. др.-русс. – милосърдь, ст.-слав. – милосърдь, лат. – *miseriordia* (достойный сожаления). Существительное милосердие пришло в русский язык из старославянского, где милосърдь стало калькой с латинского *miseriordia*. Производные: милосердный, милостивый, милость»¹. Слово «милость» появляется уже на первой странице «Капитанской дочки»: «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника» (Пушкин, 1984, с. 7)². Оказанная князем Б. милость обернется многочисленными испытаниями для героев романа, поскольку человек не в состоянии предвидеть последствий своих поступков, в том числе и благих. На первый взгляд Пушкин, как и в ранее написанных «Повестях Белкина», утверждает торжество Судьбы и Случая, однако в отличие от «белкинских побасенок» в «Капитанской дочке» читатель имеет дело прежде всего с жанром исторического романа. При этом исторический роман размещен внутри семейной хроники, отсюда двусубъектность, являющаяся конструктивным принципом данного текста. Выступающий в функции нарратора герой пишет семейную хронику, рассказывая потомкам историю своего частного знакомства с Машей Мироновой; для автора объектом видения является не частное, а общее – история как таковая. Там, где рассказчик в лице Гринева дивится игре случая, автор выявляет закономерности. Гринев акцентирует внимание на «милости» Пугачева и Екатерины, благодаря которой он спасается и спасает Машу, авторская рефлексия затрагивает правовые и этические аспекты «милости» и «правосудия».

В финале романа «милость» окажется антонимом по отношению к «правосудию» («Я приехала просить милости, а не правосудия» (с. 80)). На это важнейшее для идейного замысла противопоставление обратил внимание еще Ю. Лотман: «Противопоставление милости и правосудия, невозможное ни для просветителей XVIII в., ни для декабристов, глубоко знаменательно для Пушкина» [Лотман, 1962, с. 15–16]. Действительно, фраза, вложенная в уста Маши Мироновой, взрывает финальный идиллический эпизод. Антагонизм «милости» и «правосудия»

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. URL: http://www.dic.ac.ru/doc-41371964_458773277 (дата обращения 17.07.2024).

² Далее роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка» цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

является одной из болевых точек истории государства Российского. Забегая вперед, скажем, что Пушкин не смог разрешить этого противоречия. В пушкинистике долгое время наличествовала мысль о том, что в «Капитанской дочке» предложена модель примирения «государственного» и «человеческого» на основании христианской идеи «милости» и «всепрощения». Однако авторская позиция сложнее и противоречивее.

Написание пушкинского романа хронологически совпадает с политической полемикой, возникшей в 1830 г. в связи с выходом Полного собрания законов Российской империи, составленного М. Сперанским. В 1832 г. были напечатаны все 15 томов обновленного Свода, и уже в 1833 г. оглашен манифест Николая I о новом Своде законов, пришедшем на смену Соборному уложению 1649 г. В манифесте также было определено время его вступления в силу – 1835 г. Все эти события породили общественную дискуссию вокруг понятий «закон», «правосудие» и «милость». 1830-е гг. стали для Пушкина временем внутреннего самоопределения по отношению к истории государства Российского и его правовых основ. Симптоматично, что одновременно с «Капитанской дочкой» возникает замысел «Дубровского», где сцена суда является кульминационной, а проблема закона выступает на первый план. Важно и то, что завершает «Капитанскую дочку» глава под названием «Суд».

В этот же период Пушкин продолжает осмыслять декабрьскую катастрофу 1825 г. и июльскую казнь 1826 г. Поэт по-прежнему рассчитывает на нисхождение императора по отношению к тем, кто отправлен на каторжные работы (прямое свидетельство – апофеоз царской милости в стихотворении «Пир Петра Великого», написанного к десятилетней годовщине восстания). Последний роман можно рассматривать как еще одну попытку обращения к Николаю I с напоминанием о прощении. С величайшего дозволения Пушкин в 1830-е гг. занимается изучением государственного архива – документов, связанных с историей новой России. Смеем предположить, что столь важное для понимания «Капитанской дочки» слово «милость» восходит к пугачевским манифестам, в которых оно образует лексико-семантическое ядро. В своих воззваниях к народу Пугачев постоянно апеллировал к милосердию: «Тысячью великий и высокий, и государственный владетель над цветущем селении, всем от бога сотворенным людям самодержец, тайным и публичным даже до твари награditель усердственный, в святости искусный, *милостив и милосерд, сожалительное сердце имеющий* – государь император Петр Федорович...»; «Не сомневайтесь, приидите в чувство, *много милости* получите; *божиею милостию* мы всемогущим богом присягаем»; «Всех моих верноподданных рабов желаю содержать в моей яко то *от бога дарованной мне милости* всякого человека тех, которые ныне желают быть в моем подданстве и послушании по самопроизвольному желанию»; «Я во свете всему войску и народам учрежденный великий государь, явившийся из тайного места, *прощающий* народ и животных в винах, *делатель благодянии, сладоязычный, милостивый, мягкосердечный* российский царь император Петр Федорович»³ и т. д.

³ Именные указы, повеления и манифесты (Пугачев). URL: http://www./p/pugachew_e_i/text_1774_imennye_ukazy.shtml (дата обращения 10.07.2024).

Легко заметить, что для Пугачева милосердие связано в первую очередь с христианской практикой, отсюда частая сочетаемость слов «милость» и «Божия». В русской Православной Церкви милость – это прежде всего свойство Бога, проявление Божьей любви к человеку. В Нагорной Проповеди сказано, что милосердие человека есть подражание милосердию Бога (Мф. 5: 44–45). Император Петр Федорович, от имени которого действует Пугачев, – посредник между русским народом и Богом, через воскресшего царя Бог являет свою милость России. В свое время Б. Успенский замечательно объяснил феномен самозванства, отметив, что ни в одной из европейских стран, самозванство не получило такого распространения, как в России. Активизация подобных процессов, по мнению исследователя, начинается после того, как царь становится «помазанником Божиим»: «...специфика отношения к царю определяется прежде всего восприятием царской власти как власти сакральной, обладающей божественной природой» [Успенский, 1994, с. 75]. Симптоматично, что в романе Пугачев милует не только Гринева, но и его антагониста Швабрина: «Пугачев смягчился. “Милую тебя на сей раз”, – сказал он Швабрину» (с. 68). Пушкинский Пугачев готов помиловать всякого, присягнувшего ему; кажется, что он явился в Белогорскую крепость исключительно для того, чтобы прощать.

Выполняющий в тексте функцию «чудесного помощника» Пугачев не только милует, но и жалует. Показательно, что слово «жалует» впервые звучит в устах вожатого: «– Помилуй, батюшка Петр Андреич! – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке. – Это, старинушка, уж не твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет. Его благородие мне *жалует* шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться» (с. 17). Слово «жалость» вслед за «милостью» также сопровождает практически все пугачевские воззвания: «...я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и *жаловаю* я вас: рекою с вершин и до ус[т]ья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом»; «Когда всевышний господь бог мне даст волю, то я вас всех не оставлю и буду вас *жаловать* верно, нелицемерно землю, водою и травами, и ружьями, и провиантом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую»; «И как он *жаловал* [Петр I], так и я *жалую* впредь и после: пахотными землями и водами, и солью, и законами, и всем экипажем. После того молитесь богу за меня, и буду вам отец; ежели будете моего указу слушать, и *буду жаловать*. Не сомневайтесь, приидите в чувствие, *много милости* получите; *божиею милостию* мы всемогущим богом присягаем»; «И буду вам за то против сего моего увещательного указа *отец и жалователь*, и не будет от меня лжи: *много будет милости*, в чем я дал мою пред богом заповедь»⁴.

Из приведенных примеров видно, что, в то время как «милость» восходит к Божьему промыслу, «жалование» в большей степени связано с земными благами. Пугачев обещает пожаловать Гринева «тридевятое царство» и «княжество»: «Ты крепко передо мною виноват, – продолжал он, – но я *помиловал* тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя *пожалую*, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием? <...> Послужи мне

⁴ Именные указы, повеления и манифесты (Пугачев).

верой и правдою, и я тебя *пожалую* и в фельдмаршалы и в князья» (с. 50). Впрочем, иногда «милость» и «жалость» в речи Пугачева меняются местами – жаловать можно не только коня, но и жизнь: «Ин быть по-твоему! – сказал он. – Казнить так казнить, *жаловать так жаловать*: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!» (с. 69).

Попутно заметим, что благосклонность Пугачева по отношению к Гриневу связана не столько с «заячьим тулупчиком», сколько с тем, что при первой же встрече Гринев обращается к безымянному бродяге как к равному себе. «Что, брат, прозяб?» – спрашивает Гринев своего нового знакомого (с. 16). В контексте пушкинского творчества употребление слова «брат», как правило, соотносено с близким дружеским кругом. Братом Пушкин называет Дельвига («Мой брат по крови, по душе...»), «Мы рождены, мой брат названный...»), Кюхельбекера («Лицейской жизни милый брат», «Мой брат родной по музе, по судьбам»), Пушкина («...мой брат по чаше»), Вяземского («Итак, ты все же братец мой»), декабристов («Каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна», «И братья меч вам отдадут»). В гриневском обращении к Пугачеву, безусловно, угадываются и христианские аспекты. Как сказано в Евангелии, «кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12: 50). Называя Пугачева «братом», Гринев возвращает бродяге человеческое достоинство и доброе имя (именование), чего не мог не оценить Пугачев, жалуя впоследствии отроку жизнь, коня и девуцу.

Итак, в случае с Пугачевым речь идет о христианской милости (*misericordia*): от лица Бога самозванец милует, от лица земного царя – жалует. Эта милость спасительна, но она не имеет отношения к государственной идее. Зеркальный двойник Пугачева в романе и его политический антагонист императрица Екатерина II в своих воззваниях также постоянно обращалась к «милости». «Наиболее прекрасным атрибутом монарха является милость», – писала императрица в своем Наказе (Наказ Комиссии..., 2018, с. 128). Любопытно, что при сопоставлении манифестов Пугачева и Екатерины обнаруживается их зеркальность, на что не мог не обратить внимания ознакомившийся с историческими документами. Так, в Манифесте к сочинению проекта нового Уложения Екатерина II писала: «И так со стороны поставляем *милосердие* за основание законов и открываем дорогу к достижению правосудия; со стороны же любезных подданных наших ожидаем благодарности и послушания: чрез что сохранится благоденствие, *тишина и спокойство* государственное» [Законодательство Екатерины II, 2000, с. 155]. Один из пугачевских манифестов почти буквально воспроизводит государственную риторику: «Жалуем сим именным указом и монаршим и отеческим нашим *милосердием* всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков <...> и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей <...> Повелеваем сим <...> указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, – оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян, всячески стараясь, ловить, казнить, и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе малейшего христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблению которых противников, злодеев дворян всякой может восчувствовать *тишину и спокойную*

жизнь...»⁵. Как видно из процитированных фрагментов, и Екатерина II и Пугачев даруют своим подданным *милосердие, тишину и спокойствие*, однако императрица говорит о милосердии на «основании законов», в то время как Пугачев апеллирует к христианству, награждая подданных «древним крестом и молитвою».

В России система правосудия долгое время была соотнесена не столько с правовой сферой, сколько со сферой морали. Даже в словаре В. Даля правосудие определялось как «правый суд, справедливый приговор, решение по закону, по совести, или правда»⁶. Милосердие как важнейшая составляющая государственной политики (*clementia*) было впервые апробировано в эпоху правления Елизаветы Петровны, введшей негласный мораторий на смертную казнь. Подобный мораторий менее всего связан с христианской жалостью и прощением (смертная казнь, как известно, никогда не противоречила церковной идеологии). В елизаветинском обете, с одной стороны, видится ориентация на римскую империю, где граждане не подлежали высшей мере наказания («...мое любомудрие то же, что и римскаго онаго императора Антонина Пиуса: лучше хочу одного соблюсти гражданина моего, нежели неприятелей тысящу убить»), о чем блестяще писал С. Польской [2023]. Елизавета действует с оглядкой также на просветительскую философию, в которой начинается критика смертной казни. В трудах европейских философов возникает мысль об окончательности смерти и необратимости («непоправимости») смертной казни, соответственно, общество уже не сможет исправить («просветить») казненных граждан [Evans, 1996, p. 901].

Для Екатерины II следование данной идее было тоже важным, поэтому она старалась не нарушать моратория своей предшественницы. Как показала Л. Марасинова, в «екатерининский век» *«государево милосердие»* показывает его высокую корреляцию прежде всего с угрозой смертной казни и ее отмены по *«беспримерному монаршею милосердию»* [Марасинова, 2023, с. 322]. Так, например, милость по отношению к участникам пугачевского восстания была явлена через решение о снисхождении к казакам, выдавшим своего предводителя. Помилование демонстрировало *«беспримерное милосердие»* самодержицы», которая превосходила «всех смертных» и уподоблялась «единому Богу»⁷. Вопреки тому, что данный указ отсылал к «Божьей воле», он, прежде всего, являлся частью политической стратегии, которой следовала Екатерина II. Одновременно указ «О всеобщем прощении и забвении» предписывал стереть имя Пугачева из народной памяти. Расправа с участниками восстания станет практически последней санкционированной властью смертной казнью в России вплоть до повешения пятерых декабристов в 1826 г. Апеллируя к екатерининской эпохе, Пушкин мучительно искал ответы на современные вопросы. Сквозь ключевые эпизоды последнего романа проступает «декабристский след». Симптоматично, что «Капитанская дочка» завершается главой «Суд», в которой современники увидели отсылки к суду над декабристами и в которой сошлись три составляющие триады «справедливость – правосудие – милость».

⁵ Именные указы, повеления и манифесты (Пугачев).

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. № 13695. URL: http://www/nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=lzr2tr5ycb1372735 (дата обращения 12.07.2024).

Вне сомнения, «Капитанскую дочку» можно рассматривать как воззвание к Николаю I, который должен был увидеть в поступке императрицы пример для себя, тем более, что Пушкин еще в «Стансах» апробировал этот метод («Семейным сходством будь же горд; // Во всем будь прашуру подобен: // Как он, неутомим и тверд, // И памятью, как он, незлобен»). Пушкинская императрица прощает Гринева, но то, что получило чудесное разрешение в романе, в самой действительности разрешения не имело. Вопрос о политическом милосердии (*clementia*) – один из важнейших вопросов русской общественной мысли в 1830-е гг. В России отсутствует понимание, чем именно должна являться царская милость. Сложность его решения усугублялась тем, что, несмотря на критику смертной казни, Европа также не была едина в решении этой проблемы. С точки зрения европейского права монаршая милость являет собой «своеволие» и нарушает закон – монарх должен быть так же подчинен законодательной власти, как и его подданные.

Именно поэтому в финале романа Гринева прощает не столько императрица, сколько женщина, скинувшая в себя царский наряд. В заключительном эпизоде видится не только блестящее обыгрывание принципа *qui pro quo*, являющегося неизменным маркером пушкинского стиля. Мотив узнавания / неузнавания, о котором так много спорят исследователи [Листов, 2002], безусловно, играет свою роль, но еще более важно, что императрица облачена в «обыкновенное» платье. Домашнее и интимное незримо противопоставлено в данном эпизоде государственному и общему. Екатерина II милует Гринева не от лица императрицы и не от лица Бога, а от лица частного человека. Ни государство, ни церковь в конечном счете не являются гарантом «правого суда», «правосудие» всецело определяется нравственным инстинктом. В своем романе Пушкин взывает к «чувствам добрым» – единственно верному ориентиру во времена смуты.

«Капитанская дочка» – последняя попытка поэта напомнить царю о необходимости человеческого милосердия по отношению к ссыльным декабристам. Роман не достиг своей прямой цели (амнистия декабристов будет объявлена только Александром II), однако Николай I всё же прочитает роман и проявит человеческое сочувствие по отношению к его автору – смертельно раненому поэту он простит все долги и даст царское слово заботиться о семье, остающейся без кормильца. Слова императора, которые Пушкин прочитает в присланной ему записке («О жене и детях *не беспокойся, я беру их на свои руки*»), почти дословно повторяют обещание, данное Екатериной II Маше Мироновой («...*не беспокойтесь* о будущем. *Я беру на себя* устроить ваше состояние» (с. 83)). Этот последний в судьбе Пушкина шаг Николая I связан не с «*clementia*» и не с «*misericordia*», а с категориальным императивом, о котором говорил И. Кант – «звездным небом над головой и моральным законом внутри нас»...

Список литературы

- Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к произведениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 314–319.
- Заславский О. Б. Тема милости в «Капитанской дочке» // Русская литература. 1996. № 4. С. 41–53.
- Кочеткова Н. Д. «Правосудие» и «милость» в поэзии Державина // XVIII век. СПб.: Наука, 1996. Вып. 20. С. 72–78.

Листов В. С. Две встречи в Царскосельском парке: к истолкованию финала романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 202–214.

Лотман Ю. М. Идейная структура «Капитанской дочки» // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 3–19.

Марасинова Е. Государево милосердие в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 2023. № 184. С. 316–328.

Мильчина В. Опять о правосудии и милости: еще один возможный источник финала «Капитанской дочки» // Новое литературное обозрение. 2021. № 172. С. 180–192.

Муравьева О. С. Капитанская дочка // Пушкинская энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 445–463.

Надеждин А. К вопросу о теме милости в русской литературе XVIII века // Von Wenigen (От немногих). СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 11–17.

Неклюдова М. «Милость» / «правосудие»: о французском контексте пушкинской темы // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. С. 204–215.

Осоват А. Л. К источникам пушкинской темы милость – правосудие («восточная» повесть Ф. В. Булгарина // Полотролов: к 70-летию В. Н. Топорова. М.: Индрик, 1988. С. 591–595.

Осоват А. Л. Исторический материал и исторические аллюзии в «Капитанской дочке» // Тыняновский сборник. М.: Книжная палата, 1998. Вып. 10. С. 40–67.

Польской С. Clementia Augustae: милосердие и «нелепый обет» императрицы // Новое литературное обозрение. 2023. № 184. С. 329–351.

Проскурина В. Ю. Екатерина II в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Homo scriptor: Сб. ст. в честь 70-летия М. Эпштейна. М.: НЛЮ, 2020. С. 140–169.

Сайдали И. М., Рахманов Б. Р. Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф. В. Булгарина // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. 2016. Т. 2, № 4. С. 89–99.

Успенский Б. А. Избранные труды: В 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 429 с.

Evans R. J. Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600–1987. New York: Oxford Uni. Press, 1996. 1014 p.

Список источников

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. URL: http://www./doc-41371964_458773277 (дата обращения 17.07.2024).

Законодательство Екатерины II: В 2 т. М.: Юридическая литература, 2000–2001. Т. 1. 1053 с.

Именные указы, повеления и манифесты (Пугачев). URL: http://www./p/pugachew_e_i/text_1774_imennye_ukazy.shtml (дата обращения 10.07.2024).

Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: Первоначальный конспект Наказа, источники, переводы, тексты. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 156 с.

Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л.: Наука, 1984. 317 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. № 13695. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=lzr2tr5yucb1372735 (дата обращения 12.07.2024).

References

- Evans R. J. *Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600–1987*. New York, Oxford Uni. Press, 1996, 1014 p.
- Kochetkova N. D. “Pravosudie” i “milost” v poezii Derzhavina [“Justice” and “Mercy” in Derzhavin’s poetry]. In: XVIII vek [18th century]. St. Petersburg, Nauka, 1996, iss. 20, pp. 72–78. (in Russ.)
- Listov V. S. Dve vstrechi v Czarskosel’skom parke: k istolkovaniyu finala romana A. S. Pushkina “Kapitanskaya dochka” [Two meetings in Tsarskoe Selo Park: The interpretation of the finale of A. S. Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter”]. In: Vremennik Pushkinskoi komissii [Periodical collection of the Pushkin Commission]. St. Petersburg, Nauka, 2002, iss. 28, pp. 202–214. (in Russ.)
- Lotman Yu. M. Ideinaya struktura “Kapitanskoi dochki”. In: Pushkinskii sbornik [Pushkin’s Collection]. Pskov, 1962, pp. 3–19. (in Russ.)
- Marasinoва E. Gosudarevo miloserdie v Rossii XVIII veka [The sovereign’s mercy in Russia of the 18th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2023, no. 184, pp. 316–328. (in Russ.)
- Milchina V. Opyat’ o pravosudii i milosti: eshche odin vozmozhnyi istochnik finala “Kapitanskoi dochki”. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2021, no. 172, pp. 180–192. (in Russ.)
- Muravieva O. S. Kapitanskaya dochka [The captain’s daughter]. In: Pushkinskaya entsiklopediya [Pushkin Encyclopedia]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 445–463. (in Russ.)
- Nadezhdin A. K voprosu o teme milosti v russkoi literature XVIII veka [On the topic of mercy in Russian literature of the 18th century]. In: Von Wenigen (Ot nemnogix) [Von Wenigen (From the Few)]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom, 2008, pp. 11–17. (in Russ.)
- Neklyudova M. “Milost” / “pravosudie”: o frantsuzskom kontekste pushkinskoi temy. In: Pushkinskie chteniya v Tartu [Pushkin readings in Tartu]. Tartu, 2000, pp. 204–215. (in Russ.)
- Ospovat A. L. Istoricheskii material i istoricheskie allyuzii v “Kapitanskoi dochke”. Tynyanovskii sbornik [Tynyanov’s Collection]. Moscow. Knizhnaya palata, 1998, iss. 10, pp. 40–67. (in Russ.)
- Ospovat A. L. K istochnikam pushkinskoi temy milost’ – pravosudie (“vostochnaya” povest’ F. V. Bulgarina). In: Πολυτροπον: k 70-letiyu V. N. Toporova [Πολυτροπον: On the 70th anniversary of V. N. Toporov]. Moscow, Indrik Publ., 1988, pp. 591–595. (in Russ.)
- Polskoi S. Clementia Augustae: miloserdie i “nelepyi obet” imperatritsy. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2023, no. 184, pp. 329–351. (in Russ.)
- Proskurina V. Yu. Ekaterina II v “Kapitanskoi dochke” A. S. Pushkina. Homo scriptor. Sbornik statei v chest’ 70-letiya M. Epshteina [Homo scriptor. Collection of articles in honor of the 70th anniversary of M. Epstein]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, pp. 140–169. (in Russ.)

Saidali I. M., Rakhmanov B. R. Motivy milosti i pravosudiya v “vostochnykh” povestyakh F. V. Bulgarina [Motives of mercy and justice in the “Oriental” novels of F. V. Bulgarin]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian Studies], 2016, vol. 2, no. 4, pp. 89–99. (in Russ.)

Uspensky B. A. Izbrannye trudy [Selected works]. In 2 vols. Moscow, Gnozis Publ., 1994, vol. 1: Semiotics of history. The semiotics of culture, 429 p. (in Russ.)

Vatsuro V. E. Iz istoriko-literaturnogo kommentariya k proizvedeniyam Pushkina. In: Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Research and materials]. Leningrad, Nauka, 1986, vol. 12, pp. 314–319. (in Russ.)

Zaslavsky O. B. Tema milosti v “Kapitanskoi dochke”. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1996, no. 4, pp. 41–53. (in Russ.)

List of Sources

Dal V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. (in Russ.) URL: http://www.doc-41371964_458773277 (accessed: 17.07.2024).

Imennye ukazy, poveleniya i manifesty (Pugachev) [Personal decrees, commands and manifestos (Pugachev)]. (in Russ.) URL: http://www.p/pugachew_e_i/text_1774_imennye_ukazy.shtml (accessed: 10.07.2024).

Nakaz Komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya Ekateriny II: Pervonachal'nyi konspekt Nakaza, istochniki, perevody, teksty [The Commission's order on the composition of the draft of the new code of Catherine II: The initial summary of the Order, sources, translations, texts]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2018, 156 p. (in Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 19. № 13695. (in Russ.) URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=lzr2tr5ycb1372735 (accessed: 12.07.2024).

Pushkin A. S. Kapitanskaya dochka [The Captain's Daughter]. Leningrad, Nauka, 1984, 317 p. (in Russ.)

Zakonodatel'stvo Ekateriny II [The legislation of Catherine II]. In 2 vols. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2000–2001, vol. 1, 1053 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Вячеславовна Зверева, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Tatyana V. Zvereva, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 10.10.2024;
одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 12.11.2024
The article was submitted on 10.10.2024;
approved after reviewing on 12.11.2024; accepted for publication on 12.11.2024*